

Избавление от заложников

Трагическая история гибели сотни с лишним людей, уже успешно освобожденных из рук террористов в «Норд-Осте», – это история об ответственности. Если называть вещи своими именами – история о праве политиков, оказавшихся так или иначе причастными к кризису, этой ответственности избежать.

Трагические обстоятельства российской политики, кажется, вновь погрузили нас в дремучие дебри споров о темных и на самом деле совершенно необъяснимых медицинских материях. Так уже было однажды: ровно шесть лет тому назад, осенью 1996-го, когда журналисты газетных политических отделов и телевизионных служб информации вдруг все как один научились бегло, не отрывая карандаша от бумаги, набрасывать схему аортокоронарного шунтирования.

Теперь в профессиональный лексикон политического аналитика властно вторглось слово «антидот», а инструментарий этого анализа пополнился обширным набором сведений из области клинической анестезиологии.

Но и в тогдашнем, и в нынешнем случае медицина была решительно ни при чем. Мы ясно видим: политическая интрига остается политической, даже когда прикрывается мудреной медицинской терминологией. Кардиологическая эпопея 1996-го, развернувшаяся вокруг ишемической болезни, тяжелой формой которой страдал первый президент России Борис Ельцин, и соответственно вокруг ситуации с его вынужденным временным удалением от дел, вызванным необходимостью сложной и относительно рискованной операции, – это была история вовсе не о врачах и пациентах. Это была история о политиках, продолжающих борьбу за власть, точнее, за удержание контроля над ее инструментами даже и в столь драматической ситуации. Это была история об ответственности за трудное решение, способное в одно мгновение разрушить устоявшуюся структуру власти, и, главное, за последствия этого решения, которую делили между собою политики.

Точно такова же и суть сегодняшнего политического кризиса – того, что начал разворачиваться еще раньше, чем в зале театрального центра на Дубровке развеялся усыпляющий газ и осел пороховой дым. Именно политического – обилие медицинской терминологии в его хрониках никого не должно вводить в заблуждение.

Ведь с каждым днем, минувшим после трагедии «Норд-Оста», это проявлялось все отчетливее, и теперь мы можем быть твердо уверенными: речь снова идет об ответственности. Конкретнее – о дележе ответственности. А если уж совсем называть вещи своими именами – о праве политиков, оказавшихся так или иначе причастными к этой трагедии, ответственности избежать.

Но избежать ее, как известно, можно одним-единственным способом: хладнокровно и решительно перегрузив на чужие плечи. Конечно, на такой случай под рукой всегда найдутся журналисты. Однако если к думскому эпизоду с поправками в Закон о печати еще можно относиться как к почти комическому, то уж вовсе никакой улыбки не удастся выдавить из себя, когда тебе в сотый раз пересказывают поразительный эпизод, впервые описанный одним из руководителей столичного правительства в приватной беседе с неким репортером. Эта сцена сделалась в московском журналистском сообществе легендарной: уже через несколько минут после завершения штурма норд-остовского здания, когда на ступенях перед фасадом лежало всего только несколько первых бездыханных тел, а эвакуация пострадавших даже не началась, этот самый московский чиновник бросился к Владимиру Проничеву, первому заместителю главы ФСБ, человеку, формально руководившему антикризисным штабом: «Что с заложниками?» И получил в ответ: «Заложники – не мой вопрос! Я занимаюсь – террористами. А заложники – это к Кобзону!»

Эта шутка – не смешная. Прежде всего потому, что это вообще не шутка.

Околопрезидентские структуры, руководства силовых ведомств федерального уровня, а за ними и вся столичная властная иерархия – эта махина разворачивается сегодня в сторону виновников того, что наметившаяся в первые часы после штурма картина триумфа была безжалостно смазана, а потом и вовсе смыта сообщениями о погибших заложниках, число которых ушло далеко за сотню. Претенденты на роль этих

виновников определились легко, в ту самую минуту, когда в них появилась нужда.

Ну кто ж сомневался: московские городские власти и врачи нескольких городских больниц.

Эвакуация навалом

«Сидим мы, сидим, ждем, ждем... Восемь утра уже... По телевидению пошли эти съемки, которые потом весь день крутили. Смотрим, там автобус этот. Тащут, тащут. Запихивают одного, второго... Смотрим, там парень такой – через стекло его видно. Так сидит... вот так... голова так вот у него... Ну, а мы тут все аж хором: твою мать, он же не дышит!.. Смотрим – чего ж они там творят... Там какой-то – с кислородной маской. Смотрим – он маску ему тычет, тычет. А чего маска-то, при чем тут маска – он не дышит же... Ну так и сидим, сидим, смотрим, смотрим, еще один такой же, еще... Не дышат! Мы же видим: не дышат. Не дышат...»

Четверо молодых врачей – отделение реаниматологии-анестезиологии одной из крупных московских клиник почти в полном составе. Два дня спустя после операции по освобождению заложников они пересказывают корреспонденту «Журнала», как встретили то утро. Накануне штурма, еще днем в пятницу, клинику расчистили от всех больных, которых можно было выписать, освободили максимум коек, отменили плановые операции, проверили запас препаратов и крови, собрали врачей, свободных от дежурства. Провели инструктаж: ждать огнестрельных ранений, ожогов, минно-взрывных травм, ампутированных конечностей... Анестезиологи, конечно, готовились вместе с хирургами. А потом час за часом сидели у телевизора и смотрели, как людей сначала сваливают, словно дрова, на тротуаре, а потом волокут дальше, в автобусы, как эти люди погибают, просто потому что не дышат, но никто из тех, кто рядом, не знает, что в такой ситуации с ними делать... Если бы они хотя бы увидели это в прямом эфире – сорвались бы с места и, может быть, успели бы. Но в эфире шла запись, с момента съемки прошел не один час, и все уже было кончено.

Точно о том же самом говорят врачи из знаменитого Научного центра хирургии РАМН, из Боткинской больницы, из множества «номерных» городских клиник. Хирурги, анестезиологи готовы были принять там огромное количество раненых и покалеченных из театрального центра на Дубровке, но в какой-то момент – слишком поздно – оказалось, что они не нужны, что заложники гибнут не от пуля, а от последствий газовой атаки, и что не хватает совсем других специалистов, совсем других средств и в совсем другом месте.

Вот свидетельство доктора Игоря Шарипова, ведущего специалиста по проблемам катастроф Института им. Склифосовского: «Где-то в 8.20–8.30 подъехал автобус, но все семь человек, которые там были, были уже покойниками. И есть смысл, наверное, говорить в основном об этой проблеме: почему это произошло. Потом пошли «скорые», там находились больные разной степени тяжести, но из-за этой их секретности опять же было непонятно, чем лечить...»

А вот датированная той страшной субботой запись из публичного дневника, который ведет на популярном интернетовском сайте Livejournal корреспондент «Эха Москвы» Степан Кравченко: «Сегодня утром мне довелось одновременно с автобусами с заложниками прибыть в 13-ю городскую больницу. Больше там журналистов не было. Врачам не хватало ни носилок, ни рук, сколько бы официалы ни заявляли о готовности всех медицинских учреждений к приему заложников – готовы больницы не были, приходилось таскать раненых и мертвых на руках, полы автобусов были устланы трупами – посиневшим трупам, без следов огнестрельных ранений. Отличить живых от мертвых было практически невозможно, люди не могли ходить, их тошнило, они чуть ли не с внутренностями выbleвывали из себя отраву, когда мы отнесли последнего живого человека в реанимацию в автобусах оставались по крайней мере 50–60 трупов. И это в 7.40 утра – когда власти сообщали о 10 погибших. Люди умирали уже в автобусах. Я несколько раз ошибался и тащил уже мертвые тела, мне на это указывали, и приходилось бросать трупы прямо на полпути и бежать обратно – искать живых. Причем создавалось впечатление, что люди еще к тому же и ослепли, во всяком случае всех, кого я нес в палату, постоянно спрашивали «где я, что происходит?» – они ничего не видели. Надо отдать должное врачам, действовали они предельно оперативно, хоть и не хватало носилок, но за 15–20 минут мы перетащили в реанимацию всех 100–150 человек. Некоторым первую помощь оказывали прямо в автобусах: делали искусственное дыхание, стимулировали сердце...»

Отдать должное медикам – особенно тем, на кого пришлась первая, самая страшная и самая значительная по численности пострадавших волна эвакуированных с Дубровки заложников, – готовы все, кто видел их работу в первые часы и сутки после штурма. Максимальная нагрузка пришлась не только на упомянутую 13-ю городскую больницу, но прежде всего, как теперь ясно, на расположенный буквально в сотне метров от театрального центра

1-й городской ветеранский «Госпиталь великих войн». Там была заранее сконцентрирована большая группа

врачей – и из самого госпиталя, и из Института имени Склифосовского, и из других городских больниц. Туда же по собственной инициативе собралось больше сотни медсестер и фельдшеров, в том числе множество тех, кто давно уже в госпитале не работает и теперь просто решил, что «как-нибудь пригодится»...

В непосредственной близости от эпицентра трагедии находилось еще и огромное количество экипажей столичной «скорой помощи». Сведения о числе скопившихся вблизи улицы Мельникова санитарных машин сильно разнятся: представители московского правительства утверждают, что их было около 400, а, к примеру, думские эксперты считают, что не более 80, но в любом случае получается, что с учетом фельдшеров и сестер тут набралось не меньше 200 медиков.

И тем не менее в решающий момент – несомненно, решающий для жизни тех, кого только что вызволили из рук террористов, – отравленные наркотическим газом заложники остались без помощи людей, сколько-нибудь квалифицированных или хотя бы информированных о простейших правилах обращения с такими пострадавшими.

«Там же ничего не нужно было особенного, – объясняет врач одной из московских больниц, куда съезжались потом те самые битком набитые автобусы. – Освободить площадку двадцать на двадцать метров и собрать на ней полтора десятка фельдшеров, которые умеют пульс щупать и знают, что человека, потерявшего сознание, надо класть не на спину, а на бок, что нужно следить, чтобы он не захлебнулся собственной рвотой и не подавился собственным языком... И все! И мы бы от одного этого имели погибших вполтину меньше. А если бы по этой площадке ходило еще человек пять реаниматологов, которые в тяжелых случаях умеют интубировать (вводить через разрез в гортани трубку с резиновой грушей, позволяющей проводить эффективное искусственное дыхание. – «Журнал») и могут определить, что человек сейчас сам дышать не сможет, – еще пополам можно было бы делить. Просто – интубировать одного за другим и «дышать за них». Недолго. Чуть-чуть. Пока «скорая» не подберет... Только и всего... Только и всего!..»

Этого «только и всего» у порога «Норд-Оста» не было.

Многие врачи, с которыми в эти дни довелось говорить корреспондентам «Журнала», признавались, что при виде жуткой картины «эвакуации навалом» пострадавших из здания в памяти их всплывали, казалось, раз и навсегда выброшенные из головы еще в студенческие времена инструкции и уставы военно-полевой медицины. «Целая наука есть такая, называется «Организация и тактика медицинской службы», – говорит один из наших собеседников, заведующим крупной московской больницы. – Пироговым еще в первый раз сформулировано и с тех пор считается непреложным: когда врач имеет дело с массой пострадавших, в основе всего – сортировка. Этого – пешком отправить в автобус. Этому – похлопать по щекам, и он придет в себя. Тому – требуется не прямой массаж сердца. С этим – не обойтись без серьезных реанимационных мероприятий, в первые минуты на месте, потом в машине. А с тем – ничего уже не поделаешь, надо оставить на месте и, не теряя времени, спасать живых...»

Другой доктор, главный реаниматолог другой известной столичной клиники, считает, что все не так просто: «Это, знаете, один из самых главных вопросов в медицине – кто к кому должен ехать: больной к врачу или врач к больному». Но все же и он убежден: «Впрочем, в любом случае нельзя, чтобы в такие моменты вообще никто над этим не задумывался, чтобы управлять этими «встречными потоками» вообще никто не пытался...»

Еще один из наших консультантов, опытный хирург, морщит лоб, вспоминая все те же «военно-полевые» истины: «Понимаете, в военной медицине есть такой чуть ли не основополагающий принцип – «от себя». Из ротного лазарета врач обязан как можно быстрее перебросить больного в батальонный, оттуда – в полковую медсанчасть, потом во фоновую госпиталь и дальше – в тыл, в тыл, от себя, от себя... Но там все понятно: речь идет о раненых, которых нужно таким образом в кратчайшие сроки вывести из зоны активных боевых действий. А тут-то что? Куда они неслись? Почему всех – битком в автобусы, не разбирая живых и мертвых? Никто ведь не обязан был устраивать эту давку, этот вывоз вслепую...»

А вот тут хорошо бы притормозить. Так уж и «никто не обязан»? Есть кое-какие соображения.

Операция «От себя»

Организаторы штурма, высокие чины МВД и ФСБ вместе с важными кремлевскими персонами готовы отвести любой упрек, любое сомнение в том, что и сам замысел штурма, и его реализация были абсолютно блистательны, ссылаясь всего на два универсальных аргумента.

Соблюдение строгой секретности при подготовке операции – первый из них. Непосредственные участники событий на Дубровке в один голос подтверждают: по существу здесь работал не один штаб с

дифференцированными группами, ответственными за работу на тех или иных направлениях кризиса, а две совершенно изолированные друг от друга структуры управления. Представители силовых ведомств, специалисты по борьбе с терроризмом сконцентрировались в первом и, несомненно, главном «силовом центре». Абсолютно вне всякой связи с ним, под боком примостился второй «штабок» – тот, который «по административно-хозяйственной части». Московское руководство было решительно вытеснено именно в эту, вспомогательную по сути, команду. Надо сказать, многие городские чиновники в целесообразности такой «дискриминации» вовсе не сомневаются. «Вы ж можете себе представить, – говорит один из них, – полностью от толпы, которая круглые сутки бурлит вокруг, не изолируешься. Кто только у нас там не толокся: и какие-то московские чеченцы, и депутаты, и из родственников заложников кто-то просочился, и из журналистов, и просто какие-то никому не понятные умники и умельцы день и ночь бродили... Время от времени посторонних вылавливали и удаляли, но они появлялись опять, причем их становилось все больше. Понятно же, что тут не выйдешь и не скажешь: штурм в таком-то часу, пойдем оттуда-то, средства будем применять такие-то... Вот мы и занимались вещами важными, но не критическими. Готовили комплекты лекарств для заложников. Устроили штаб для работы с родственниками и с самими пострадавшими, которым удавалось спастись. Переговорщиков к Бараеву снаряжали, чтобы они нам детей пытались выводить. Подготовили запасы воды и соков. Питание – ведь два же раза собрали по восемьсот пайков, один раз первое даже сделали на всех (термосы такие большие с кипятком, в которых суп мгновенно можно развести), так они ж, суки, не брали ничего... А остальное – это в том штабе, в другом...» За пропавшее первое, действительно очень обидно, но только дело все-таки не в нем.

Что план операции по освобождению заложников надо уметь сбересть в тайне – это правда, чего уж тут возразишь. Задача сама по себе важная. Но есть и другая, которая нам, дилетантам, тоже представляется не то чтобы совсем ничтожной. А именно: сбересть самих же этих освобожденных заложников живыми. Вот она-то немедленно и перерастает в проблему координации действий между двумя штабами: ведь это именно «хозяйственникам» предстоит принять на себя миссию выведения заложников из «прифронтовой» зоны. И никто никогда не заставит поверить, что у этой проблемы в самом деле не существовало разумного решения. Если только важность ее осознана обеими сторонами и обе же стороны готовы приложить силы для того, чтобы эту координацию осуществить. В конце концов, посложнее задачи тут приходится решать. Было бы желание.

А если желания нет? Если – все равно? Если верх берет хладнокровный расчет: каждый труп, оставшийся в зале театрального центра или где-то рядом, непосредственно в зоне боевой операции, – это НАШ труп. А когда этот труп обнаруживается где-то в процессе эвакуации, тем более по окончании ее – это уж труп ВАШ. А раз ваш – вы за него сами и отдувайтесь. А у нас – все чистенько, и ручки-то наши – видите – вот они... И операция наша – беспрецедентна, ювелирна и умопомрачительна.

Именно такая логика и была принята к исполнению руководством «силового» штаба. План штурма театрального центра учитывал действия всех занятых в операции сил от входа в контролируемую террористами зону и «до дверей» захваченного здания. Все, что должно было произойти дальше, описывалось неопределенным жестом руки, вялым шевелением пальцев и фразой «ну, и тут Москва их подбирает». Этого жеста, разумеется, никто из нас не видел, а фразы – не слышал. Но мы легко можем представить себе и одно, и другое, вглядываясь в то, как реализовался этот подход на практике.

Газовая атака в качестве ключевого элемента предстоящей операции была предложена на самом раннем этапе планирования: на этот счет сотрудники ФСБ объясняются охотно. А вот о том, как глубоко и подробно анализировались последствия применения наркотического газа в столь нетривиальных условиях, они предпочитают молчать. Но нам эту глубину поможет определить, например, тот факт, что в последние часы перед штурмом к обсуждению уже готового плана была привлечена одна (одна!) бригада анестезиологов, наконец-то вызванная для такого случая в штаб операции из Института имени Склифосовского. Даже размещившаяся в том же здании госпиталя, где работал и штаб, огромная бригада врачей, в которой имелось, конечно, вполне достаточно и реаниматологов, и анестезиологов, не получила ни каких-либо специальных указаний, ни инструкций, ни малейших намеков на то, что ей предстоит. В секрете надо было сбересть? Конечно. Но мобилизовать врачей на спасение пострадавших от реальной, а не мнимой угрозы – как-нибудь надо было тоже.

Далее. «Москва» не получила никаких сведений о реальном содержании и технических особенностях предстоящей операции. Соответственно вся подготовка к эвакуации пострадавших велась вслепую. Московские администраторы вынуждены были распылять ресурсы – технику, транспорт, персонал, медиков, силы поддержки – на то, чтобы предусмотреть решение на любой вариант развития событий. Один из членов московского правительства, работавший в «малом» штабе, погибает пальцы: «У нас был подготовлен и

обеспечен сценарий «простого вывоза», когда все целы. Был сценарий на случай паники и массового бегства заложников, которым террористы стали бы вслед стрелять. Был – на случай тяжелого боя и большого числа раненых. Был и самый страшный – «эмчезсовский» – с необходимостью разобрать обрушенное здание и спасти пострадавших из-под завала... Мы к любому развитию ситуации должны были готовиться. И готовились. А о сути операции узнали только по факту».

Теперь вернемся к универсальным штабным аргументам. Есть ведь еще второй и последний из них, тот, которым организаторы штурма объясняют свое требование немедленно, любой ценой – в том-то и дело, что любой! – эвакуировать пострадавших с места событий. Аргумент прост и вроде убедителен: угроза взрыва.

Можно было дождаться знаменитой уже «отчетной» пресс-конференции представителей силовых ведомств в минувший четверг, чтобы убедиться: на тот момент, когда первый из пострадавших был вынесен на площадку перед входом в театральный центр, этой угрозы не существовало. Причем именно командованию сил, проводивших штурм, было отлично известно: смонтированные террористами взрывные устройства сработать не могли, поскольку в их пультах управления попросту отсутствовали батарейки. И спецназовцы, и те, чьи приказы они исполняли, успели даже раньше, чем пошли на приступ, увидеть это собственными глазами – с помощью видеокамеры – и услышать от своего информатора изнутри. Получается, что угроза взрыва представлялась реальной исключительно тем, кто организовал по окончании штурма варварскую эвакуацию пострадавших и кто вопреки своей воле это варварство осуществлял. «Это был какой-то ужас, какая-то дикая всеобщая истерика, – вспоминает теперь один из врачей московской «скорой», непосредственно участвовавший в перевозке заложников. – Это был один сплошной вопль – «увозите! увозите их скорей! скорей! скорей!»...

Кстати, упомянутой пресс-конференции можно было и не ждать. И без нее – попросту сопоставив время известных событий той ночи – можно было не сомневаться: к моменту начала эвакуации пострадавших спецназовцы провели в здании театрального центра уже полтора часа. Ведь начало штурма зафиксировано с абсолютной точностью: в половине шестого утра в прямом эфире «Эха Москвы» прозвучал обошедший потом все телеканалы мира телефонный звонок Натальи Скопцовой и Анны Андриановой, во время которого раздались первые выстрелы. А первый из заложников был вынесен из здания только без нескольких минут семь – этот момент «запротоколирован» уже множеством работавших здесь телекамер. Между этими двумя моментами с большим запасом уместилось все: первая атака спецназовцев, ожесточенная перестрелка, «контрольные выстрелы» в головы спящих шахидов, охота на последних уцелевших террористов и, что для нас особенно важно, работа саперов, которые ворвались в зал уже «на плечах» первой волны штурмующих и с тех пор успели пройти все здание, освобождая его от взрывных устройств. Опять получается, что взрывов продолжали бояться только те, кто сваливал в автобусы тела умирающих от удушья заложников. И никто из тех, кто знал, чего действительно следует бояться, а чего уже нет, не захотел остановить это безумие.

И объяснение у этой загадки совсем простое, и снова все то же: организаторов взятия штурмом «Норд-Оста» не так заботило, во сколько жертв обойдется их операция, как беспокоило, ЧЬИМИ будут признаны эти жертвы, на кого их «повесят», как принято выражаться в чиновной среде. Их вполне устраивала ситуация, предоставившая им право задавать вопрос, который не раз приходилось слышать, по их собственным признаниям, и многим чиновникам из окружения московского мэра, и врачам из московских клиник: «Чего это – мы вам их всех спасли, а они все теперь у вас умирают?!»

Помните ту дивную в своей откровенности фразу: «Заложники – не мой вопрос»? Ну, так вот: можно действительно не сомневаться, что это было сказано всерьез. Слова президента Путина о том, что главное в трагической ситуации – это жизнь заложников, были поняты разными его подчиненными совсем не одинаково. И в то время, когда одни были заняты спасением заложников, другие, по сути дела, ставили перед собой гораздо более прагматичную и практически достижимую цель: избавиться от них. Сбыть с рук. Как угодно. Только – скорей. Скорей.

Сергей Пархоменко

Автор: Артур Скальский © Еженедельный журнал СКАНДАЛЫ, РОССИЯ 7451 09.11.2002, 00:00 631

URL: <https://babr24.com/?ADE=4546> Bytes: 23270 / 23227 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ В МОСКВЕ 23 ОКТЯБРЯ 2002 Г."](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)